

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Моя любовь

Впервые я, наверное, увидела его во сне. Видимо, очень давно: может быть еще в детстве? Не знаю случая, когда он и в самом деле появился у нас, я ничуть не удивилась. Это как-то само собой разумеется, что он, наконец, появится.

Его голос сразу наполнил прихожую, зазвенел, летая между стеклянными шарами люстры, и выплеснул на кухню. Смуглая тонкая рука с длинными пальцами и узким запястьем, увитая синими тенями дверной ручки, выключателей и вешалки гардероба. Он был худ, на лице выделялся только длинный нос и бездонные оконца глаз, скрытые бликами стекол очков. Свободный свитер скрадывал очертания тела, тоже худого и жилистого. И, видимо, это его слегка смущало — глупые мужчины почему-то так переживают из-за своей мускулатуры, не понимая, что это как раз и не очень важно. Конечно, кому как, но у нас в семье всегда предпочитали эстетику и изящество мускульной силе — и хоть я небольшой знаток красоты мужских ног, но эти... Как нетерпеливо и легко они двигались, в них чувствовались тонкость кости и скрытая сила, неожиданное и точное движение позволяло даже торопясь ступать непринужденно, и это, право, трудно выразить словами. Кажется, что они живут своей, отдельной жизнью, и он при всем желании не смог бы заставить их сделать что-либо дурное или некрасивое...

Я не знаю точно, как выглядят герои легенд, принцы, доисторические коты в сапогах, — может быть, так? Он поздоровался и прошел дальше по кухне (приходил к нам по какому-то делу). А я, так и не поднимая глаз от пола, вышла в комнаты, думая о том, что едва ли он расслышал мой тихий ответ. В тот вечер я долго молча сидела перед телевизором, не совсем понимая, что там происходит и рассеянно оглядываясь на вопросы домашних. По-моему, они решили тогда, что я просто заболела. Сами того не зная, они были правы. И эта болезнь имела имя.

С того дня прошел уже почти год. Он часто бывает у нас. Его взгляд и голос первое время чуть не сводили меня с ума, а прикосновения жилистой и тяжелой (но с такими нежными пальцами!) руки просто бросали в дрожь. А он, кажется, просто не воспринимал меня всерьез. По воскресеньям я с самого утра ждала, когда он ворвется в нашу огромную сонную квартиру и, поздоровавшись со всеми, обнимет меня и оторвет от пола, закружив по комнате. Радостно скажет: «Здравствуй, моя милая девочка!» — и, прикинув лицом к моему затылку, прошепчет: «Прелесть моя!»... Потом, обсудив на кухне свои дела, пока там убирают со стола и моют посуду, иногда может зайти в мою комнату, где я одна (двери у нас закрывают), и присесть с чашечкой кофе в руках на диван рядом со мной. Нежно и легко не то погладив, не то просто коснувшись моей шеи (это у него выходит так просто и естественно, что не возникает и тени неприличия от нарушений условностей) и глядя мне просто в глаза своими теплыми зеленоватыми глазами, он мог, чуть улыбаясь, запросто спросить: «Как дела, киска?» И я трепетно ждала его прикосновений, я была готова все что угодно ему отдать, но... Но он говорил что-то еще, допивал свой кофе и уходил. Кофейный аромат напоминал мне его, я даже стала пить кофе, хотя раньше терпеть не могла эту гадость. Он уходил и приходил опять, они о чем-то говорили, смеялись, шуршали бумагой. Иногда я, заходя на кухню, видела, что он пьет горячий чай, и по влажно блестящим пепельным волосам и румянцу, проступившему на скулах, я понимала — он принимал ванну. Я представляла струи воды на

его гладкой бронзовой коже, изгибы тела, мыльную пену, ползшую по животу и оставлявшую за собой чистую кожу, его одежду на полу. Это приводило меня в ужас, но в груди сладко, изнемогающе ныло. Я очень боялась, что они заметят мое смущение. Тогда я, старательно глядя в сторону, слишком правильно ступая, проходила мимо стола, за которым они сидели, стараясь думать о чем-нибудь постороннем.

Часто они подолгу и молча сидели одни в комнате, изредка приглушенными и странными голосами что-то говоря друг другу. Если я заходила в комнату (как я боялась что-то сделать не так и разочаровать его!), он, глянув на меня, улыбался, и сердце чуть не выскакивало у меня из груди, оно билось у горла. Но счастливой я чувствовала себя только несколько секунд — они явно ждали, когда я уйду, чтобы продолжить беседу. Да, это, конечно, стыдно, но когда он уходил, я, бывало, прижимаясь к его рубашке, оставленной в ванне, думала о нем. А когда он снова был тут, пыталась делать вид, что он мне безразличен, что просто мне с ним весело. И чего-то ждала, ждала...

Сегодня я опять смотрю на него не в силах вымолвить те жаркие и нежные слова, которые распирают мне грудь и увлажняют глаза. Я мечтаю о его любви, я готова оставить все и пойти за ним — пусть только позовет. А он... он опять присел ко мне на диван с чашкой в руке, гладит меня по полосатой спине и чешет за ухом, когда я сворачиваюсь клубком у его колена. Я чуть шевелюсь, мое дыхание становится хриплым и нежным; наконец я пригреюсь и заурчу, прикрыв глаза. От нежности мои лапы будут чуть подрагивать, обнажая острые коготки, которые ему так нравятся. Он снова говорит мне ласковые слова, и я не знаю точно — сплю я или нет? Но все равно я знаю другое: он ходит к моей так называемой «хозяйке», к той, что живет со мной в этой квартире. Он любит не меня